

ИСТОРИЯ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

Н.И. Васильева¹,

МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия),

И.А. Назарова²,

Московский государственный университет тонких химических технологий (МИТХТ) имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

ПРОМЫШЛЕННЫЕ КРИЗИСЫ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье рассматриваются модели промышленных кризисов в мирное время и в условиях военной экономики, их влияние на развитие мировых экономических кризисов, выясняются факторы нарушения хозяйственного равновесия в России и Германии в 1914–1918 гг. по трудам известных российских экономистов. Авторы статьи приходят к выводу, что исследование причин нарушения равновесия спроса и предложения, циркуляции товарно-денежных потоков, дефицита оборотного капитала (безденежья), инфляции и др. в рамках теории промышленных кризисов вскрывает специфику бюджетного финансирования и механизмов функционирования макроэкономической системы в чрезвычайных ситуациях в начале XX в.

Ключевые слова: конъюнктура, эндогенная теория промышленных кризисов, безденежье, «золотые точки», военная экономика.

N.I. Vasilieva,

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia),

I.A. Nazarova,

Lomonosov Moscow State University of Fine Chemical Technologies (Moscow, Russia)

INDUSTRIAL CRISES IN THE RUSSIAN ECONOMIC THEORY OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article examines the models of industrial crises both in peaceful time and in conditions of war economy, their influence on the development of global economics crises. The authors then address the factors of industrial disequilibrium in Russia and in Germany in 1914–1918 presented in the works of famous Russian economists. In the context of theory of industrial crises the study of reasons for the distortion in supply and demand, goods and currency circulation,

¹ *Васильева Нина Ивановна*, канд. экон. наук, доцент ф-та глобальных процессов, e-mail: vasilieva-msu@yandex.ru

² *Назарова Ирина Александровна*, канд. экон. наук, доцент кафедры экономики и организации производства; тел.: +7 (495) 936-82-56; e-mail: irinanazarova.mitht@mail.ru

currency deficit (slender purse), inflation, etc. reveal the specifics of budget financing and mechanisms of functioning of macroeconomic system in force major situations at the beginning of the XX century.

Key words: conjuncture, endogenous theory of industrial crises, slender purse, “gold points”, war economy.

В современном мире промышленные кризисы представляют одно из наиболее сложных явлений, требующих своевременной диагностики и комплексной программы стабилизации экономики. Несмотря на разнообразие позиций, многие аналитики оценивают текущий кризис как кризис воспроизводства и распределения благ, как хроническую болезнь финансовых институтов. Сложность современного кризиса связана с тем, что переход к новому индустриально-цивилизационному циклу, ставшему итогом промышленного развития более чем за 100–200 лет [Яковец, 2000, с. 27], совпал с началом нового большого этапа экономической конъюнктуры. Процесс технологической трансформации экономик ведущих промышленных стран, не только предполагающий изменение форм организации и функционирования хозяйственных структур, но и затрагивающий социальное устройство общества в целом, приведет к возрастанию роли государственных институтов. Специфика шестого технологического уклада, по мнению некоторых экономистов, заключается в том, что более половины экономической активности (соответственно до 50% ВВП) будет приходиться на гуманитарные отрасли народного хозяйства (здравоохранение, науку и образование) [Глазьев, 2011]. В качестве одной из наиболее опасных особенностей последнего кризиса считается усиление его военно-политической доминанты, когда потребность в высоком качестве жизни в ряде развитых стран оказывает влияние на характер решения геостратегических задач. В то же время, пронизывая все уровни хозяйственной жизни, «новая экономика» как особый уклад формирующегося информационного общества не свободна от влияния рыночной экономики и периодических кризисов [Пороховский, 2002, с. 285–287; Экономические проблемы..., 2009, с. 515–517]. В этом контексте становится целесообразной активная интеграция государства, науки, региональных органов власти и бизнеса для выявления экономических направлений инновационного «прорыва» в условиях экономического кризиса [Суслова, Сысоев, 2013].

Следует отметить, что проблемы конъюнктуры и поиски вектора экономического развития в научной литературе воспроизводятся с той же периодичностью, что и сами промышленные кризисы. Известный финансист первой половины XX в. С.А. Первушин отмечал, что в 1920–1922 гг. наблюдалась полная неопределенность

во взглядах на природу и масштабы послевоенного кризиса. Стронники концепции М.И. Туган-Барановского считали, что военные события не изменили сущности и темпов развития капиталистической конъюнктуры, а лишь переместили кризис во времени — с 1914 г. на 1920-е гг. Их научные оппоненты усматривали в хозяйственной разрухе 1920-х гг. сходство с «кризисом стихийной хозяйственной ликвидации Наполеоновских войн» 1815 г. Еще одна группа исследователей трактовала послевоенный упадок как особый кризис, который таит в себе начало коренной перестройки всего социального, хозяйственного и культурного уклада Европы (среди них встречались и пессимисты: послевоенное состояние экономики они считали началом разложения высших хозяйственных форм и «закатом Западной Европы». Например, об этом написал немецкий философ О. Шпенглер в книге *Untergang des Abendlandes*) [Первушин, 1922, с. 100].

Однако трактовка кризиса как трансформации социально-экономической системы общества, по мнению авторов статьи, не противоречит его пониманию как хозяйственного упадка, вызванного военными действиями. Повторяемость процесса и периодичность его воспроизведения в научных дискуссиях дают богатый материал для изучения длинных волн Н.Д. Кондратьева, столетних циклов и промышленных кризисов, протекающих в наиболее острой форме после окончания мировых войн. Следует отметить, что проблемы послевоенного восстановления народного хозяйства и экономического роста рассматривались в отечественной литературе начала 1920-х гг. в контексте фундаментальных положений российской концепции динамического равновесия социально-экономической хозяйственной системы (А.В. Чаянов, А.А. Богданов, Н.Д. Кондратьев, В.К. Дмитриев), на основе которой были созданы первые в мировой науке теории народно-хозяйственного планирования и экономического роста (В.А. Базаров, Г.А. Фельдман и др.) [Ольсевич, 1997, с. 153; *Мировая экономическая...*, 2005, с. 842]. Предметом настоящей статьи является исследование особенностей развития кризисов в условиях военной экономики на основе трудов таких корифеев, как М.И. Туган-Барановский, М.И. Боголепов, С.А. Первушин, И.М. Кулишер, З.С. Каценеленбаум, изучавших послевоенный кризис по горячим следам.

Первые попытки научного анализа указанного явления связаны с именами К. Жугляра (1860) и У. Джевонса (1862). В их работах фиксировался факт повторяемости (периодичности) циклов, формулировалось понятие экономического кризиса, который они понимали как «болезненное» состояние, несвойственное капиталистической системе в целом. В связи с этим рассматривались главным образом экзогенные факторы нарушения равновесия. В конце 60-х гг. XIX в. К. Маркс высказал предположение о том,

что нарушение хозяйственного равновесия было связано с процессом массового обновления основного капитала, который он назвал материальной основой цикла.

Первыми опытами системного исследования совокупности причин, приводящих к возникновению кризисов (60–90-е гг. XIX в.), стали работы таких известных российских экономистов, как В.П. Безобразов, А.Я. Антонович, А.Н. Миклашевский и А.И. Чупров. Они вскрыли причины и механизмы перехода от оживления к спаду производства, показали взаимосвязь таких явлений, как состояние бумажно-денежного обращения и развитие промышленного кризиса. В.П. Безобразов считал, что характер денежной системы оказывал сильное воздействие на хозяйственную конъюнктуру. Он подчеркивал, что покупательная сила бумажных денег более энергично воздействовала на рынок, чем монеты, потому что население стремилось «сбрасывать» обесценивающиеся билеты, обменивая их на товары. В силу этого, во-первых, дополнительные выпуски кредитных денег, писал ученый, резко усиливали спрос на все товары, нарушая установившиеся довоенные пропорции спроса и предложения. Это приводило к тому, что «...выпуски кредитных денег усилили во всех классах общества непроизводительное потребление, а этот вид спроса оживил прежде всего отечественное производство и ввоз предметов роскоши» [Безобразов, 1863, с. 31]. Каналы распространения бумажных денег, отмечал В.П. Безобразов, влияли на ход промышленного цикла: деньги поступали из казны в руки потребителей и лишь от них — фабрикантам и купцам, и таким образом рост спроса стимулировал рост цен. Во-вторых, обилие бумажных денег создавало иллюзию избытка капиталов и стимулировало усиленное капитальное строительство и чрезвычайное оживление кредитного рынка.

В ходе анализа динамики промышленного цикла ученым были отмечены следующие закономерности: несинхронность роста цен по различным группам товаров («вилка цен») и возрастание доли импорта в торговом балансе, рост непроизводительного потребления. В результате этих изменений происходила деформация докризисной структуры производства и народного хозяйства в целом. Денежные эмиссии не приводили к росту основного капитала в отраслях, производящих средства производства, следовательно, способствовали сужению воспроизводственной базы страны в будущем. Народное хозяйство ставилось в опасную зависимость от «эмиссионного допинга»: на фоне обилия бумажно-денежной массы возникало такое труднообъяснимое явление, как безденежье, свидетельствующее об истощении оборотных капиталов.

А.И. Чупров, характеризуя мировой кризис 1883 г., указывал, что в капиталистической системе того времени вследствие развития

транспорта и расширения рынков появилась опасность искажения информации и передачи с помощью биржи ложных ценовых сигналов. В хозяйстве, состоявшем из множества независимых предприятий, в основе взаимодействия которых лежало разделение труда, единственным сигналом для изменения объемов производства служили рыночные цены. До тех пор, пока цены верно отражали потребности общества и условия производства, в народном хозяйстве соблюдалось равновесие. Когда нарушилась работа этого экономического барометра, отмечал ученый, хозяйственное общество потеряло под собой почву. В итоге спекулянты, используя биржу, получили возможность влиять на цены, маскируя истинное положение вещей на рынке. Руководствуясь этими фальшивыми сигналами, промышленность вступила на ложный путь. «Затемнение истинных размеров спроса, — писал А.И. Чупров, — дает толчок к чрезмерному расширению производства; средства же к тому доставляются громадным развитием кредита» [Чупров, 1889, с. 11]. Вместо использования собственного капитала предприниматель сделал ставку на заемные средства. В период с 1871 по 1885 г. величина накопленного капитала, помещенного в ценные бумаги по государственным займам и облигациям кредитных учреждений, составляла 6,5 млрд рублей ежегодно.

Однако искусственное расширение спроса и производства при помощи кредита и роста грюндерства, подчеркивал А.И. Чупров, могло держать промышленность в напряжении лишь до известного предела. «Как бы ни был обилён кредит, но нельзя же бесконечно накапливать запасы товаров... Отсюда — расстройство в делах то одной, то другой фирмы. Но каждое предприятие было связано с целым рядом других взаимной задолженностью; цепь долговых обязательств соединила хозяйства не только одной страны, но целого мира» [Там же, с. 11–12]. Кризис 1883 г. он считал особым и выделял ряд важных системных экономико-технологических изменений, происходящих в результате его развития: технологические инновации, снижение транспортных издержек, рост тарифов и перемещение отдельных трудоемких производств на экономическую периферию. В качестве специфических особенностей кризиса 1883 г. он отмечал следующие:

- 1) длительное снижение цен не приводило к сокращению производства и расширению потребления;
- 2) кризис развивался в условиях обилия свободных капиталов и резкого снижения ссудного процента.

Обилие свободных дешевых капиталов (на уровне 2%) создавало условия для искусственного расширения производства и цепи частных банкротств, охвативших мировое хозяйство. Стабильное снижение цен А.И. Чупров считал результатом развития техниче-

ского прогресса и депрессии в сельском хозяйстве. В этой оценке просматривались черты мирового хозяйственного кризиса, которые в начале XX в. более детально были исследованы Н.Д. Кондратьевым.

М.И. Туган-Барановский о механизмах развития промышленных кризисов в мирное время и в условиях военной экономики

Продолжая исследования, начатые предшественниками, М.И. Туган-Барановский создал эндогенную импульсно-волновую модель циклического развития экономики. Рассматривая динамику свободного ссудного капитала и рыночной конъюнктуры, ученый показал механизмы взаимодействия различных уровней народного хозяйства как единой системы. В качестве главных факторов цикличности М.И. Туган-Барановский выделял анархию и неорганизованность капиталистического хозяйства. К специфическим причинам «вызревания» промышленных кризисов он относил несовпадение темпов накопления основного и оборотного капиталов, спроса и предложения на факторных рынках, движение ссудного процента. Общее перепроизводство, подчеркивал ученый, являлось в условиях денежного обмена выражением непропорционального распределения общественного труда и частичного перепроизводства. Он отмечал, что капитал в денежной форме накапливался непрерывно, а производство расширялось «толчками». Повышение ссудного процента в модели М.И. Туган-Барановского стало верным признаком истощения запасов свободного денежного капитала. В этот момент оказалось, что «...деньги внезапно “вздорожали”»; на самом же деле дорожают не деньги, а ссудный капитал, и дорожает он потому, что на ссудном рынке осталось мало свободного незанятого капитала» [Туган-Барановский, 1914, с. 297].

В качестве первых симптомов наступления кризиса М.И. Туган-Барановский называл снижение цен на железо и рост ставки ссудного процента, которые свидетельствовали о «погружении» народного хозяйства в понижательную фазу. Он писал, что «...накопление капитала создает постоянную тенденцию к расширению производства. Капитал... постоянно давит на производство, стремится двигать его вперед. Но для возможности сбыта товаров требуется пропорциональное распределение общественного производства. Капиталистическое же хозяйство в целом хаотично и неорганизовано» [Там же, с. 107]. В капиталистическом хозяйстве производство управляло потреблением и диктовало ему свои правила игры. Трудности сбыта продукции в этих условиях приводили к перепроизводству, а кредит лишь усиливал глубину циклических колебаний.

Конъюнктурную теорию М.И. Туган-Барановского, которая являлась синтезом теории промышленных кризисов и теории денег, на взгляд авторов статьи, следует рассматривать в контексте всех работ ученого, опубликованных в конце XIX — начале XX в. В них детально исследовались особенности экономического развития страны в ординарных и чрезвычайных ситуациях. Причем в анализ теории рыночной конъюнктуры необходимо включить его работу по теории денег (1917), где изучались механизмы изменения общего уровня товарных цен.

Картина развития кризиса в условиях *военной экономики* у М.И. Туган-Барановского стала зеркальным отражением экономического кризиса в мирное время. Однако причины и следствия поменялись местами. На первый план выступило сужение предложения из-за вздорожания сырья и сокращения импорта промышленного оборудования.

При промышленном кризисе сокращение производства явилось следствием сокращения спроса и инвестиций: превышение предложения по сравнению со спросом приводило к снижению общего уровня товарных цен. В хозяйстве, работавшем на удовлетворение военного спроса, наблюдалась иная последовательность событий. Сокращение производства в нем было вызвано не снижением спроса, а сокращением предложения, вздорожанием сырья и средств производства, что неизбежно создало условия для роста цен. В этих условиях даже госзаказы не могли компенсировать резкое снижение предложения. Такая ситуация «перевернутой пирамиды» причин и следствий возникла с развитием экономики по военному сценарию, который представлял, по выражению ученого, «грандиозный опыт протекционизма», доведенного до своего предела — запретительной системы. Этот опыт М.И. Туган-Барановский рассматривал в двух аспектах — с точки зрения финансирования и с позиций сопротивляемости хозяйства разрушительному воздействию чрезвычайных внешних факторов.

С точки зрения финансирования экономики промышленные страны, считал ученый, находились в лучшем положении, чем Россия, потому что богаче капиталами. Для хозяйственного развития в мирное время потеря рынка была опаснее, чем прекращение ввоза, потому что капиталистическая система хозяйства имела естественную тенденцию к перепроизводству, а любые затруднения сбыта при снижении спроса приближали начало общего кризиса. Сокращение импорта, наоборот, переносилось данной хозяйственной системой легко. В условиях военной экономики ситуация кардинально изменилась: «...потеря внешнего рынка оказывается для Германии гораздо менее опасной, чем прекращение подвоза иностранного сырья» [Туган-Барановский, 1915, с. 276]. Это объяснялось

тем, что блокирование внешних рынков затрудняло внутреннее обращение товаров при сохранении производственно-технических возможностей страны.

О методах организации внутреннего обмена в Германии в новых условиях ученый писал, что по природе своей они чужды духу капиталистической системы. На смену «свободной игре рыночных сил» пришло планомерное распределение национального производства и подчинение народного хозяйства «единой регулирующей сознательной воле». Задачей созданного в то время Военно-промышленного совета стало перераспределение общественных производительных сил страны (капиталов и рабочей силы), контроль над движением хлебных запасов. М.И. Туган-Барановский подчеркивал, что «рынок, создаваемый войной, значительно превышает по своим размерам общую сумму германского вывоза за границу» [Там же, с. 276]. Однако помимо сокращения продовольственной и кормовой базы наибольшую опасность для Германии представляло сокращение подвоза промышленного сырья (ученый писал о возможности «медного голода», так как собственное производство обеспечивало лишь 1/9 немецкого потребления меди). Слабость немецкого народного хозяйства, считал М.И. Туган-Барановский, заключалась в том, что оно находилось в зависимости от иностранного импорта сырья.

Новый спрос в условиях военной экономики менял структуру всего народного хозяйства:

1) застой промышленности приводил к угрожающим размерам безработицы;

2) происходило перепрофилирование производства ведущих фирм. Особенно сильно это отражалось на железодельном производстве, так как железо, подчеркивал ученый, являлось в то время универсальным средством производства и движение цен на него характеризует переход от фазы кризиса к фазе подъема в мирное время;

3) наконец, деформация структуры национальной экономики приводила в окончательное расстройство денежное хозяйство страны.

Данные статистики свидетельствуют о том, что Германия, размещавшая до начала 1914 г. свои избыточные капиталы на внешних рынках, вследствие изменения структуры воспроизводства в военное время вынуждена была прибегать к дополнительной эмиссии бумажных денег, а это снижало курс марки.

Характеризуя экономические возможности нашей страны, ученый отмечал, что по сравнению с Германией Россия беднее капиталами. Поэтому с началом военных действий здесь был прекращен обмен кредитных билетов. Несмотря на то что бумажно-денежное обращение было отличительной чертой российского государственного хозяйства в XIX в., писал М.И. Туган-Барановский, в 1915 г.

уже все признали опасность режима бумажных денег для народного хозяйства. В то же время без бумажных денег финансирование бюджетного дефицита для стран — участниц военных действий было невозможно.

Лишение внешнего рынка не имело для отечественной промышленности решающего значения, полагал ученый, так как она в основном работала на внутренний рынок. Однако прекращение импорта лишало промышленность необходимого ей сырья и оборудования. Среди отраслей, пострадавших от прекращения экспорта сильнее всего, М.И. Туган-Барановский называл лесную промышленность, а также кожевенную и нефтеперерабатывающую. Например, сокращение нефтедобычи вследствие дефицита железа и оборудования изменило направление деятельности нефтеперегонных заводов, которые стали увеличивать выработку мазута, сокращая производство бензина и смазочных материалов. Запрет на вывоз нефтепродуктов привел к снижению технического уровня нефтеперегонных заводов, сокращению деятельности механических заводов и потере квалифицированных кадров.

От прекращения импорта в первую очередь пострадали химическая и текстильная промышленность: сказывался недостаток красителей, которые Россия получала из Германии. Произошло снижение потребления каменного угля, так как пришлось отказаться от 20% его импорта. В сложной ситуации оказались такие отрасли производства, как железодельная, кирпичная и цементная, которые работали исключительно на внутренний рынок и не нуждались в импорте. Однако именно в них началось резкое сокращение общественного спроса (на 51%), связанного с войной. Ученый подчеркивал, что положение железодельной промышленности являлось наилучшим показателем общего состояния промышленной конъюнктуры. Огромное снижение спроса на металл он объяснял сокращением в стране учредительства и строительной деятельности. В то же время фабриканты, выпускающие сукно, сумели извлечь значительную прибыль из сложившегося положения. Сокращение производства и сбыта сукна на внутреннем рынке компенсировалось ростом государственных спецзаказов для нужд военного ведомства. Благодаря росту военного спроса фабриканты повысили цены на свои изделия, в результате чего эта отрасль смогла миновать фазу застоя и реализовать значительную долю довоенных товарных излишков. Безработица и расстройство транспортной системы усилили процессы дестабилизации народного хозяйства.

Изучая специфику развития народного хозяйства России и Западной Европы, российские экономисты провели интересный анализ бумажно-денежного обращения. Рост бумажной массы являлся

экономической необходимостью для многих европейских стран, которая была продиктована особым характером войны 1914 г., не имеющей по своим масштабам аналогов в мировой истории. Каждый месяц военных действий стоил для ее участников 2–2,5 млрд рублей золотом, причем речь идет только о затратах государственных казначейств (убытки населения в эту сумму затрат не включены). Но даже такая сумма официальных расходов в значительной степени превосходила максимальную величину мировой эмиссии ценных бумаг 1910 г., равную 10 млрд рублей. Причем М.И. Туган-Барановский делал оговорку, что накопление всего общественного капитала за год не совпадало с величиной эмиссии ценных бумаг: следует иметь в виду, что не весь добавочный капитал помещался в ценные бумаги и, таким образом, часть его не могла привлекаться для государственных займов. Громадные средства, поглощенные в ходе военных действий, нельзя было получить с населения в виде налогов, не разрушив всю систему капиталистического хозяйства. В то же время внешние займы уже не могли удовлетворить растущие потребности государства, так как необходимые суммы превышали величину ежегодной мировой эмиссии ценных бумаг.

В силу этого, подчеркивал М.И. Туган-Барановский, роль огромных финансовых ресурсов стали играть бумажные деньги. Выпуская их, государство производило как бы *«принудительную реквизицию народного богатства»*, захватывало известную часть этого богатства в свое распоряжение, не нарушая прав частной собственности. Только Англия могла использовать на военные расходы займы, не прибегая к эмиссии бумажных денег. Это объяснялось двумя причинами — тем колоссальным богатством и тем, что из всех стран блока война менее всего затронула народное хозяйство данной страны.

Для России, считал М.И. Туган-Барановский, выпуски кредитных билетов являлись необходимым инструментом финансирования военных расходов. Иностранный рынок не мог дать эти средства, поэтому использование бумажных денег диктовалось экономической необходимостью. Ученый замечал, ссылаясь на пример Франции, что усиленные выпуски бумажных денег не должны с жесткой необходимостью приводить к резкому снижению их курса и возникновению лажа на золото.

В России высокий лаж на золото объяснялся в первую очередь особенностями расчетного баланса страны. В первом десятилетии XX в. наша страна имела активный торговый баланс, однако с 1909 г. положительное сальдо неуклонно снижалось. Данная тенденция была опасна, так как страна ежегодно платила сотни миллионов рублей в виде процентов по иностранным займам, и эти выплаты значительно превосходили размеры положительного сальдо торго-

вого баланса. Чем было вызвано снижение активности торгового баланса? М.И. Туган-Барановский связывал сокращение сальдо с быстрым ростом импорта. Несколько последних предвоенных лет были временем сильного промышленного подъема, который в России сопровождался расширением импорта. Дело в том, что основу отечественного экспорта составляли продукты сельского хозяйства, количество которых не менялось (или менялось в незначительной степени) в фазе промышленного подъема. В то же время отечественный ввоз состоял главным образом из промышленных полуфабрикатов. Таким образом, промышленный подъем в России приводил к значительно более быстрому росту импорта. Такое явление (правда, в меньшей степени), замечал ученый, характерно для фазы промышленного подъема и в других странах. Последняя мера торгового протекционизма, согласно которой правительство запретило вывоз продукции аграрного сектора, фактически уничтожила российский экспорт. Импорт, несмотря на сильное сокращение, все же сохранился. К концу 1914 г. отрицательное сальдо торгового баланса России составило 161,2 млн рублей. Неудивительно, резюмировал М.И. Туган-Барановский, что спрос на иностранную валюту значительно превысил ее предложение, и это явилось главной причиной снижения курса кредитного рубля.

Верный своей эндогенной теории, М.И. Туган-Барановский связывал проблемы расстройств валютно-финансовой системы страны в начале XX в. в первую очередь с особенностями промышленного подъема и его развертыванием в условиях военной экономики.

Подводя итоги, М.И. Туган-Барановский писал, что «война явилась как бы грандиозным опытом протекционизма, доведенного до своего предела — запретительной системы» [Туган-Барановский, 1915, с. 302], потому что Россия оказалась в торговой изоляции. Однако влияние военных событий на экономику России было, считал ученый, более слабым, чем в Германии. Во-первых, Германия потеряла свои внешние рынки, которые имели для нее исключительно важное значение, а в России большинство отраслей было ориентировано на внутренний рынок. Во-вторых, немецкая промышленность в большей степени, чем русская, зависела от импорта. В-третьих, расстройство кредита и транспорта в Германии было сильнее. В-четвертых, число рабочих в ходе мобилизации в Германии сократилось на 40% по сравнению с 12–15% в России. Все эти данные приводили к выводу, что развитие военной экономики весьма существенно отличалось от хода промышленного кризиса. Для развития хозяйства в чрезвычайных ситуациях характерно сокращение производства, вызванное сокращением предложения и вздорожанием сырья. Для промышленного кризиса характерно об-

шее снижение цен; в условиях военной экономики имело место их обратное движение. Следовательно, превышение спроса над предложением было вызвано внешними причинами, не связанными с общей промышленной конъюнктурой, резюмировал М.И. Туган-Барановский.

М.И. Боголепов и С.А. Первушин о факторах макроэкономической нестабильности и механизмах восстановления послевоенной экономики

Рассматривая причины снижения курса рубля в начале Первой мировой войны 1914 г., М.И. Боголепов³ акцентировал внимание на влиянии внешнеэкономических факторов. Указанное обесценивание он объяснял чрезмерным вздорожанием иностранных векселей, отнюдь не отражающим действительного снижения курса рубля, которое М.И. Боголепов называл «*условным*». Неблагоприятную динамику курса рубля он связывал с нарушением международной системы расчетов. Ученый писал, что в современной экономике любое национальное хозяйство неразрывно связано с мировым рынком; все страны составляют круг участников одного общего счета, поэтому «...механическое повреждение этой цепи, выбытие одного звена тем самым наносило заметный ущерб всей системе и отдельным участникам» [Боголепов, 1915, с. 432].

Нарушение международной системы расчетов проявилось в том, что с началом военных действий были прекращены всякие экономические отношения с воюющими странами и получили механическую отсрочку обязательств между союзниками и нейтральными странами (замораживание счетов). Такая отсрочка была выгодна Германии, но расстраивала платежную систему Англии. В результате этих процессов кредитные документы потеряли свою силу, и многие страны были обречены на длительный застой в области международного обмена.

Учитывая, что товар как главное средство платежа по международным обязательствам во время войны оказался несостоятельным, писал М.И. Боголепов, вместо сложной многозвенной системы международных расчетов появилась практика одностороннего обмена. В мирное время выравнивание пассивного сальдо платежного баланса чаще всего происходило при помощи новых займов или посредством продажи на мировых фондовых рынках ценных бумаг страны. Однако «моратории иммобилизовали банковские средства Англии и Франции, поэтому русские, американские бан-

³ Известный экономист, член-корр. АН СССР (1939), специалист в сфере финансов и денежного обращения, организатор и первый ректор Института народного хозяйства в Петрограде.

ки были лишены возможности не только получить в этих странах новые кредиты, но даже воспользоваться своими собственными текущими счетами, имевшимися в Англии и Франции. Чек и вексель, — эти основы международных расчетов, — оказались бессильными во время войны» [Там же, с. 436]. В сложившейся ситуации осталось последнее средство (*ultima ratio*) — расчеты золотом. Но и здесь произошло ухудшение рыночной конъюнктуры: трудности и возросший риск, связанный с пересылкой золота в военное время, повышали стоимость фрахта (по некоторым данным, пересылка золота могла составить 14–15% всей стоимости благородной монеты).

В то же время, несмотря на острую необходимость погашения внешней задолженности золотом, существовал не менее важный аргумент в пользу его удержания внутри страны: золото оставалось «основой финансовой боевой готовности». Поэтому в государствах, принявших главные удары, произошла стремительная демонетизация золота во внутреннем обращении, причем данный процесс шел одновременно на двух уровнях.

На официальном уровне был прекращен размен банкнот на золото. Одновременно произошла стихийная демонетизация «снизу» как ответ населения на непредсказуемость и нестабильность денежного обращения. Она привела к тому, что золото, свободно циркулировавшее на внутреннем рынке, под влиянием всеобщей паники было моментально изъято из обращения. Сложилась противоречивая ситуация: международные расчеты золотом могли проводить только центральные банки, но перед ними стояла другая, не менее важная задача — по возможности увеличить стратегические золотые запасы. Таким образом, писал М.И. Боголепов, «золото, оставшееся единственным средством выравнивания международных платежей, в то же время оказалось в положении недостижимости» [Там же, с. 437].

Нарушение мирового экономического обмена осенью 1914 г. привело к тому, что страны — экспортеры сельскохозяйственной продукции (США, Россия), еще не успевшие вывезти свой товар за границу, терпели серьезные убытки (экспорт был приостановлен), а страны-кредиторы (прежде всего Англия) ожидали уплаты долгов золотом по прежним кредитам. Неудивительно, что все это привело к снижению вексельных курсов России и Америки на Лондонском фондовом рынке, и на рынках стран-задолжниц начались настойчивые поиски иностранной валюты (в том числе переводных векселей и чеков). Сильный и односторонний спрос на валюту приводил к тому, что валютные цены вскоре приняли, по выражению М.И. Боголепова, характер «*голодных цен*», порвавших с «золотыми точками». Анализируя динамику вексельных курсов

Петрограда на Лондон, ученый отмечал, что если цена десятифунтового векселя находилась в пределах «золотых точек» (от 94,125 до 95,025 рубля), то уплата производилась векселями. Если вексельный курс поднимался выше, то за него приходилось давать большую цену в рублях, поэтому становилось выгоднее выплачивать данную сумму золотом. Вывоз золота в таких условиях являлся регулирующей силой, автоматически приводящей вексельные курсы к норме (к «золотым точкам»). Военные события, разрушив автоматические механизмы выравнивания вексельных курсов, привели к анархии в вексельном обороте. Таким образом, сильное обесценивание рубля в международных расчетах из-за вздорожания иностранных векселей, подчеркивал М.И. Боголепов, отнюдь не означало действительного снижения его ценности.

Вексельный курс на уровне 110–120 рублей за трехмесячный вексель в 10 ф. ст. ученый называл «совершенно невероятной золотой точкой», которую правильнее было бы назвать «военной точкой». Старания русского правительства по смягчению отрицательной динамики внешней задолженности, в том числе с помощью заключения новых займов, не принесли серьезных результатов. Главным условием восстановления нормального вексельного курса могло стать, писал М.И. Боголепов, возобновление экспорта товаров.

Крупный специалист в области истории народного хозяйства И.М. Кулишер наиболее важным звеном в цепи факторов, влиявших на состояние денежного обращения, торгового баланса, характер внутреннего производства и направление внешнеэкономических отношений в послевоенный период, считал вексельные курсы. Он подчеркивал, что до 1914 г. умеренные колебания вексельных курсов происходили в пределах «золотых точек»: в случае отклонения от них начинался отток золота за границу (или, наоборот, приток его). Этот механизм обеспечивал макроэкономическое равновесие. Однако война 1914–1918 гг. разрушила этот регулятор и «...вместо небольшого количества золота, переходившего границу при переходе вексельного курса за пределы золотых точек, в настоящее время море бумажек переливается через границы отдельных стран и колебания курсов достигают огромных, прямо невероятных размеров» [Кулишер, 1923, с. 106].

Ученый обращал внимание на интересную закономерность: точка кульминации в колебаниях курсов приходилась не на период развития военных действий, а на период восстановления народного хозяйства и возобновления международной торговли. Наиболее яркой иллюстрацией этого процесса являлась Германия. И.М. Кулишер отмечал, что во время военных действий (несмотря на временные успехи) курс марки начал падать, и к 1918 г. он составил 71% от номинала. Но с момента поражения Германии и установле-

ния репарационных платежей марка «безудержно летит в пропасть», и в 1922 г. за нее давали уже менее 1% от номинала. В послевоенное время страны с низким валютным курсом неожиданно для себя стали получать экспортную премию, которая стимулировала вывоз их товаров, затрудняя импорт. Опасная конкуренция со стороны Германии, Австрии, Чехии, Польши стала одной из причин разрастания кризиса в Голландии, Швеции, Англии и Швейцарии. Однако в странах с низким валютным курсом происходила распродажа части национального богатства, писал И.М. Кулишер.

С.А. Первушин⁴ писал, что необходимость восстановления нарушенных хозяйственных связей Европы и Америки в 1920-е гг. сделала актуальными исследования динамики мирового хозяйства и его конъюнктуры. Причины послевоенного кризиса 1920-х гг., по мнению ученого, весьма сложны, и данный кризис нельзя трактовать как обычную свойственную капитализму депрессию.

Послевоенный кризис народного хозяйства был вызван рядом причин, среди которых С.А. Первушин выделял следующие:

- 1) нарушение пропорциональности между отдельными отраслями производства;
- 2) резкое сокращение потребления вследствие снижения покупательной способности населения;
- 3) полное расстройство валютных отношений и практически полное отсутствие кредита;
- 4) чрезвычайное увеличение налогов, которое привело к снижению покупательной силы населения и явилось причиной угнетенного состояния промышленности и торговли;
- 5) усиление репараций из-за кризисных тенденций.

Непродолжительное оживление, наблюдавшееся в январе 1920 г., отличалось необычными для нормального подъема чертами: «робкое» оживление с частичными перебоями проходило на фоне разрыва хозяйственных связей из-за валютного хаоса. Движение не отличалось всеобщностью и нарастанием темпов и сопровождалось действием «политического фактора» [Первушин, 1922, с. 131].

Внутрихозяйственный кризис в воевавших странах и промышленный рост в других государствах создали условия для развития мирового экономического кризиса. С.А. Первушин писал, что первые симптомы мирового кризиса проявились в Японии, затем они распространились на США и другие неевропейские страны с высокими темпами экономического роста в годы Первой мировой войны. Особенность этого кризиса заключалась в том, что он начался с отраслей промышленности, выпускающих товары народ-

⁴ Известный экономист, специалист в области ценообразования и хозяйственной конъюнктуры, заведовал подотделом цен и индексов в ЦСУ СССР (1945–1962).

ного потребления (текстильное производство и другие отрасли). Первым фактором развития кризиса стала конкуренция на стороне товаров.

В развитии мирового экономического кризиса С.А. Первушин выделял следующие моменты. Во-первых, высокая цена серебра и дизажио на европейскую валюту способствовали успешному завоеванию европейскими товарами восточных рынков. Во-вторых, значительное сокращение американского импорта во Франции и Англии объяснялось притоком дешевых товаров из Германии. В-третьих, высокий урожай хлопка на фоне вынужденного сокращения экспортных поставок в западноевропейские страны создавал условия для начала развития промышленного кризиса в США.

С.А. Первушин показал, что нарушение хозяйственного равновесия в воевавших странах и промышленный рост в нейтральных странах, изменение направления товарных потоков и экспортно-импортных пропорций на мировом рынке стали главными факторами развертывания мирового экономического кризиса. Он считал, что для исследования конъюнктуры необходимо использовать комбинацию признаков. Прочные основания для таких расчетов заложили К. Жугляр, Ж. Лескюр⁵, М.И. Туган-Барановский, А. Афтальон⁶.

Характеристика феномена безденежья в послевоенной экономике России в работах З.С. Каценеленбаума

Характеризуя послевоенное хозяйство России в 1918 г., профессор Московского университета З.С. Каценеленбаум, крупный специалист в области финансов, кредита и денежного обращения, отмечал, что одновременно с обесцениванием рубля (в то время каждый рубль оценивался не более чем в 5 копеек золотом) произошел скачок цен. Причем цены выросли неравномерно: одни товары подорожали в 10–15 раз, другие — в 50–75 раз.

Как и М.И. Туган-Барановского, З.С. Каценеленбаума в первую очередь интересовали внутренние причины развития хозяйственной нестабильности в послевоенной экономике страны. Поэтому прежде всего он выделял факторы, лежащие *«на стороне товаров»* и *«на стороне денег»*, показывая их влияние на внешний курс рубля. К причинам роста цен *«на стороне товаров»* З.С. Каценеленбаум относил уменьшение числа занятых в народном хозяйстве и расстройство транспорта.

⁵ Французский экономист, автор работы «Общие и периодические кризисы», изданной в России в 1908 г.

⁶ Известный французский экономист, профессор Лильского университета, специалист в области промышленной конъюнктуры, автор книги «Периодические кризисы перепроизводства» (1913). Выдвинул принцип акселерации.

Вторую группу причин расстройства денежного обращения представляли изменения, случившиеся в мире собственно денежных отношений: это прежде всего переход к бумажной валюте, увеличение бумажно-денежной массы, крайняя неустойчивость цен. «По мере того, как населению насильственно навязывались новые и новые массы бумажек, оценка этих денежных масс со стороны населения падала, а вместе с тем падала оценка и покупательная сила денежной единицы, бумажного рубля» [Каценеленбаум, 1918, с. 7]. Такой неравномерный рост цен по разным группам товаров изменял основы правильного коммерческого расчета и создавал благоприятные условия для расцвета спекуляции, приводя к нарушению товарообмена.

Кульминацией данного процесса стало безденежье, развившееся, по выражению ученого, «посреди изобилия денег». Его появление З.С. Каценеленбаум объяснял нарушением правильной циркуляции денежных знаков в стране: расширение военного производства вызывало усиленный спрос на рабочие руки и сырье, поэтому главный поток денежных знаков шел от центра к периферии, но все меньше товаров поступало в обмен на эти деньги в деревню, таким образом был нарушен обратный приток денег в город. Получалось, что в провинциях скапливались значительные денежные массы и ощущался острый дефицит товаров, в то время как город, испытывая постоянное безденежье, вынужден был прибегать к новым эмиссиям. Безденежье проявлялось в двух формах: во-первых, существовал острый недостаток денег мелкого достоинства; во-вторых, промышленное производство испытывало дефицит оборотных капиталов, который происходил вследствие переоценки всех материальных ценностей в процессе снижения покупательной силы рубля и роста цен на рабочую силу и сырье (когда цены на сырье обогнали цены на готовую продукцию, а рост заработной платы из следствия превратился в одну из причин дороговизны, обнаружился недостаток в оборотных средствах). Данный процесс усугубила политика нового правительства: большевики, национализировав Госбанк, прекратили кредитование коммерческих банков, а чуть позже объявили об их ликвидации. Все это лишало промышленность необходимых оборотных капиталов.

Острая потребность в денежных знаках мелкого номинала в розничной торговле и в оборотных капиталах для промышленности стала главной причиной выпуска местных знаков обращения в различных регионах страны. З.С. Каценеленбаум отмечал: если безденежье будет более длительным и нарушение работы транспорта еще более изолирует окраины, то количество местных денег возрастет и встанет особая проблема урегулирования этих суррогатных денежных потоков.

Снижение курса кредитного рубля на внешнем рынке З.С. Каценеленбаум относил к третьей группе факторов обесценивания: оценка бумажных денег, оторвавшихся от своей золотой основы, стала колебаться под влиянием перемен общеполитического и финансового характера (например, от 12 рублей 50 копеек в августе 1914 г. до 65 рублей за 1 ф. ст. в октябре 1917 г.).

Снижение курса рубля, замечал ученый, помимо политических имеет и глубокие экономические последствия, так как форсирует экспорт и искусственно тормозит импорт. Однако и здесь военная экономика внесла свои коррективы: рост цен на внутреннем рынке обгонял возвышение курса иностранной валюты, что создавало благоприятные условия для импорта, сокращая экспорт отечественных товаров. Резкое снижение курса рубля на внешнем рынке «...лишило всякого значения все те меры таможенной и железнодорожной тарифной политики, которые вырабатывались годами и были направлены на поддержание тех или иных отраслей промышленности» [Там же. С. 9].

Колебание курса бумажных денег на внешнем рынке и снижение его покупательной силы на внутреннем рынке привели к появлению лажа на металл. Однако, писал З.С. Каценеленбаум, с учетом того, что золото в рассматриваемый период времени перестало выполнять функции денег и превратилось в особого рода товар, в России возник лаж на «отдельные сорта бумажных денег» (например, «керенки» оценивались дешевле николаевских денег). Для России, по мнению ученого, оставался один путь упорядочения денежного обращения — путь возврата к золотому монометаллизму, т. е. путь *«реставрационного»* перехода к твердой валюте.

Особенности модели экономических кризисов в работах российских ученых первой половины XX в.

В заключение следует отметить, что в эндогенной модели М.И. Туган-Барановского были вскрыты общие и специфические факторы циклического развития экономики, показаны особенности течения промышленного кризиса в мирное и военное время. В центре его внимания находились проблемы накопления основного и оборотного капитала, динамики спроса и предложения на факторных рынках. В то же время помимо признаков вступления в понижательную волну, ставших уже классическими (рост ставки ссудного процента, снижение цен на железо), на взгляд авторов статьи, незамеченным остался такой важный симптом «вызревания» кризиса, как нереализованное предложение на рынке основного капитала. М.И. Туган-Барановский впервые исследовал характер хозяйственной инверсии в условиях военной экономики, когда сужение произ-

водства следовало за сокращением предложения импортных средств производства и сырья (таблица).

На примере России и Германии М.И. Туган-Барановский показал роль институциональных факторов в развитии кризиса и выхода из него. Он рассмотрел особенности финансирования бюджетного дефицита в начале XX в. в момент развития кризиса и в чрезвычайных ситуациях (в условиях военной экономики), когда деформация довоенной структуры народного хозяйства, его зависимость от эмиссионного «допинга» приводили к истощению оборотных капиталов (безденежью).

Критики его теории отмечали, что динамика ссудного процента и цен на железо могут не только характеризовать промышленный кризис, но отражать состояние аграрного сектора. С.А. Первушин, Ж. Лескюр, А. Афталъон считали, что учение М.И. Туган-Барановского о недостатке свободного капитала как причины возникновения кризиса не соответствует реальности. По мнению И.А. Трахтенберга⁷, кризис возникает, когда «разрывается единство ссудного и действительного капиталов». Денежный кризис лишь на время соединяет эти «разорванные» части воспроизводства путем насильственного сокращения кредитных операций и сжатия кредитной надстройки. Расширение производства, замечал И.А. Трахтенберг, имеет «узкие границы», поэтому выход кредита за пределы действительного капитала сопровождается усилением спекуляций, предвосхищающих начало промышленного кризиса. *Единство рынков ссудного капитала* придает денежным кризисам особое качество: они становятся мировыми [Трахтенберг, 1939, с. 45].

С.А. Первушин называл модель М.И. Туган-Барановского теорией капиталистической конъюнктуры и, несмотря на ряд критических замечаний, признавал ее «высшей формой теории кризисов» в начале XX в. М.И. Туган-Барановский, писал С.А. Первушин, придал «...блестящую и твердую основу той Konjunkturkunde, которая в настоящее время достигла такого широкого развития во Франции, Германии, Америке и имеет такое огромное практическое значение» [Первушин, 1914, с. 31].

Исследование проблем промышленных кризисов и денежного обращения в начале XX в. вызвало у российских экономистов интерес к феномену мирового экономического кризиса. В ходе анализа влияния послевоенного внутривоспроизводственного упадка на характер мирового кризиса отмечалось несовпадение темпов экономического роста в различных странах, нарушение циркуляции товарно-

⁷ Известный экономист, специалист в области денежного обращения и кризисов, академик АН СССР (1939), автор историко-экономического исследования кризисов.

Эндогенная модель промышленного цикла М.И. Туган-Барановского

Системные причины развития кризиса	Факторы развития кризиса в военной экономике (1914–1915)	
	в мирных условиях	
<p>I. Общие:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) при капитализме накопление капитала определяет размеры общественного воспроизводства; 2) производство управляет потреблением; 3) неорганизованность капиталистического хозяйства; 4) противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения продукта; 5) накопление денежного капитала — непрерывный процесс, расширение производства — волнообразный процесс. <p>II. Специфические:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) рост основного капитала в фазе оживления связан с мультипликацией спроса; 2) расширение производства зависит от доли основного капитала в общей массе ссудного капитала; 3) несинхронность колебаний спроса и предложения на факторных рынках и рынках предметов потребления 	<p>I. Оживление:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) <i>снижение ставки ссудного процента;</i> 2) рост спроса на средства производства, <i>рост цен на железо;</i> 3) создание нового основного капитала в стране; 4) <i>эффект мультипликации спроса:</i> <ul style="list-style-type: none"> – увеличение зарплаты рабочих; – рост спроса на предметы потребления; – возрастание спроса на предметы роскоши. <p>II. Кризис:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) первые признаки перепроизводства; – истощение запасов ссудного капитала; – безденежье; – снижение спроса на основной капитал при сохранении прежних размеров его предложения; <p>2) <i>рост ссудного процента;</i></p> <ul style="list-style-type: none"> – <i>снижение цен на железо;</i> – усиление спекуляции с недвижимостью; – <i>грюндерство;</i> – безработица 	<p>1. Сужение производства вследствие:</p> <ul style="list-style-type: none"> – сокращения предложения (в том числе импорта); – вздорожания сырья; – сокращения прежних объемов производства; – дефицита рабочей силы; – расстройств транспортной системы; – развития инфляции. <p>2. Обесценивание рубля:</p> <ul style="list-style-type: none"> – пассивный торговый баланс вследствие прекращения отечественного экспорта (1914); – усиленный спрос на иностранную валюту вследствие сужения кредита; – лаж на золото

Источник: составлено И.А. Назаровой с использованием работ М.И. Туган-Барановского.

денежных потоков, приводящих к деформации структуры народного хозяйства (З.С. Каценеленбаум), безденежью, «условному» обесцениванию валюты и развитию «золотой» инфляции (М.И. Боголепов, А.А. Соколов). В отечественной экономической литературе того времени рассматривалось влияние валютного демпинга на товарную экспансию стран Западной Европы на мировых рынках (М.И. Боголепов, С.А. Первушин, И.М. Кулишер). Вызывает, по мнению авторов статьи, особый интерес характер переплетения промышленных («заурядных», по выражению А.И. Чупрова) мировых кризисов и больших циклов экономической конъюнктуры. Обращает на себя внимание совпадение мировых кризисов с повышательной волной больших циклов. Первый мировой кризис 1857 г. совпал с началом второго большого цикла. Мировой кризис 1900—1903 гг. и послевоенный кризис 1920 г. были этапами формирования нового технологического уклада третьего цикла, изменившего «географию» размещения производительных сил и структуру транспорта на мировом рынке. Однако эта проблема может быть основой самостоятельного исследования.

В моделях российских экономистов акцент делался на технологических изменениях, происходящих в народном хозяйстве, рассматривались особенности развития промышленных, мировых и больших экономических циклов. Каждый новый хозяйственный уклад менял качество мирохозяйственных связей и укреплял позиции такого институционального субъекта рынка, как государство. Военные конфликты отражали объективные процессы перелива капитала. Государственное регулирование экономики в чрезвычайных ситуациях способствовало реформированию устаревшей хозяйственной системы с учетом роста нового доминирующего технологического уклада. Бумажные деньги сыграли роль специфических инструментов государственной политики.

Развитие трансформационных кризисов в конце XX — начале XXI в. требует нового осмысления фундаментальных классических подходов в теории экономических циклов. Обращение к истории создания теории экономических кризисов может пролить свет на многие проблемы хозяйственной нестабильности настоящего времени, поэтому, по мнению авторов статьи, должно заинтересовать и современного читателя.

Список литературы

Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России в связи с промышленностью, торговлею и кредитом. М., 1863.

Боголепов М.И. Война и деньги // Вопросы мировой войны / Под ред. М.И. Туган-Барановского. Пг., 1915.

Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. СПб., 2011.

Каценеленбаум З.С. Обесценение рубля и перспективы денежного обращения. М., 1918.

Кулишер И.М. Обзор мирового хозяйства во время войны и после войны и состояние его к началу 1923 г. Пг.; М., 1923.

Мировая экономическая мысль. Сквозь призму веков: В 5 т. Т. 3 / Отв. ред. А.Г. Худокормов. М., 2005.

Ольсевич Ю.Я. К теории экономических трансформаций: Сб. ст. М., 1997.

Первушин С.А. Теория кризисов М.И. Туган-Барановского. М., 1914.

Первушин С.А. Конъюнктура современного мирового хозяйства. М., 1922.

Пороховский А.А. Вектор экономического развития. М., 2002.

Суслова Е.И., Сысов Е.В. Промышленная политика как фактор экономического развития России // Транспортное дело России. 2013. № 4.

Трахтенберг И.А. Денежные кризисы (1828–1938) // Мировые экономические кризисы. Т. 3. М., 1939.

Туган-Барановский М.И. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. СПб., 1914.

Туган-Барановский М.И. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны. Пг., 1915.

Чуров А.И. О характере и причинах современного промышленного кризиса в Западной Европе. М., 1889.

Экономические проблемы инновационного развития: научная монография / Под ред. К.А. Хубиева. М., 2009.

Яковец Ю.В. Циклы и кризисы XXI века: цивилизационный аспект. М., 2000.